

Владимир ТРЕНИН

Владимир Тренин родился в 1977 году. Окончил КГПУ и аспирантуру при ИВПС КарНЦ РАН. Работает инженером-геологом. Автор четырех книг прозы. Публиковался в журналах «Север», «Дружба народов» и др., в «Волге» печатались рассказы (2022–2025). Живет в Петрозаводске.

СОЛЬ

Рассказ

На берегу грохнуло, и я дёрнулся от жгучей боли. Дробины рассыпались опасным дождём левее, но одна горячая крупца всё-таки зацепила шею. Похоже Морозов обиделся всерьёз. Нырнув, увидел под водой второе попадание: свинцовые зёрна впились в прозрачную толщу по настильной траектории и резко замедлились, будто в рапиде, оставляя за собой белые пузырчатые трассы всколоченной влаги.

«Бутылку выпили, подумаешь, горе», – я на всякий случай ускорился, с ленивых брассовых движений перешёл на стремительный кроль, пока Морозов перезаряжал ружье, отплыл на безопасное расстояние. «Так-то красиво вышел из-за печки, показал, как надо учить жизни молодых». Морозов играл роль бюджетного «альфы» на сцене с пустым залом. Смотрели чёрную комедию двое зрителей: бурмастер Калеви и водитель Валера. Ромыч спал и очень крепко, даже утренняя пальба его не разбудила. Морозов покричал немного, погрозил кулаком, ещё пару раз шмальнул в воду, наказал озеро, но уже без энтузиазма, наверное так же лениво солдаты Ксеркса пороли море.

В это время я, улыбаясь сладким мыслям, качался на спине в тёплой Ладожской водице, наблюдая утренние небесные метаморфозы: свод менял оттенки с яблочного, сиреневого до бледно-розового. Краски растворялись в восходящих лучах солнца, и весь мир заполняла режущая глаза лазурь. Я жмурился и мечтал, вспоминал ночную исповедь Ромыча, в сознании рождались волшебные образы, мелькали средиземноморские пейзажи и фигуры итальянских нимф, ладони ловили ускользящий тёплый эфир Ладожского тёплого лона. Периодически поднимал голову, ждал, когда окончательно утихнет гнев начальника полевого отряда. Так-то Морозов нормальный мужик, отходчивый.

Конечно, не надо было пить чужую водку, но кто же думал, что шеф приберёт её на опохмел, холодненькой ему, видите ли, захотелось. Поздно вечером в мочажине у родника я заметил в свете фонаря стеклянный отблеск горлышка литрухи. Морозов с Валерой легли спать, и я показал находку Калеви с Ромычем. Мы решили, что забыл склянку случайный турист или рыбак с прошлого или позапрошлого воскресенья, посочувствовали неизвестному бедолаге, наверное, по пьяни засунул под кочку в темноте и не нашёл, несчастье случилось у человека. Сейчас мы одни на берегу, до пятницы эта земля будет нашей. Согласно Береговому праву, мы могли забрать себе всё, что выбросили волны или оставил человек. Водку посчитали законным трофеем и распили её ночью у костра. Утром Морозов, не найдя заначки, рассердился и, как назло, я попал под горячую руку, молодой и жизнерадостный, будто и не пил всю ночь.

Тело моё дрейфовало вдоль пляжа. Гнев начальника иссяк, он пинал песок, осознавая, что едва не поднял серьёзных проблем на ровном месте в это красивое утро (сухонький полковник из первого отдела скучал без работы в последнее время и с удовольствием бы занялся расследованием огнестрела в полевом выезде). Валера вытащил из недр «буханки» канистру, сделал Морозову предложение, от которого невозможно отказаться. Мужчины сели на бревно у дымящегося с ночи костровища, немного манипуляций – и вот, характерно закинув головы, как тетерева на току, выпили. У

водителя оставался стратегический запас спирта, к ним присоединился Калеви, не только супербуровой мастер, но ещё маэстро по части переговоров, хотя рыльце было в пуху у потомка красных финнов, сам непосредственно принимал участие в распитии чужой собственности.

Через некоторое время Морозов поднялся, сложил ладони в рупор и крикнул:

– Выходи, студент!

– Ага, щас! – я замотал головой.

Догадливый Валера окончательно разрядил обстановку, убрал ружьё в машину, и только тогда я выбрался на сушу. Потрогал свежую ранку на шее, показал кровь на ладони.

Морозов моргнул с достоинством и лёгкой грустью: мол, погорячился, бывает. Плеснул из канистры спирта, разбавил лимонадом «Буратино», протянул мне, – держи, студент, «карабаса». Мы опорожнили кружку мира и пожали друг другу руки. «Карабасом», или «деревянным» коктейлем, в узких кругах назывался напиток, замешанный на гидролизном спирту-сучке и лимонаде «Буратино».

В полдень из палатки вылез растрёпанный Ромыч. Даже с помятым лицом и взлохмаченной кудрявой шевелюрой он был прекрасен, словно мраморный Давид. Пожелав нам доброго утра, скинул трусы и вошёл в воду по колено. Мужики оценивали Ромины стати, внимательно рассматривали хорошо выраженный рельеф мышц спины, крепкие ягодички.

Ромыч появился в нашем коллективе внезапно, его привёл директор за день до выезда в поле. Морозов предупредил нас, что к экспедиции присоединится некий мажор, мать его имела связи в высоких кругах. Новенький, по словам начальника, нигде не учился, не работал, жил за границей на иждивении у состоятельных женщин, менял их, как носовые платки. Шеф хихикнул скабрёзно, рассказывая о кандидате, и показалось, что он сам не прочь бы побыть немного на полном пансионе у какой-нибудь заботливой симпатичной дамы, но никто не берёт. Ещё главный гидрогеолог сообщил информацию от доверенного источника из бухгалтерии: дескать, мальчик втюрился по уши в молодую итальянскую профурсетку, и мать Романа попросила директора увезти его куда-нибудь развеяться. «Мы будем вроде развлекательной группы поддержки», – подытожил Морозов.

Что бы там ни сплетничали про Ромыча, он мне сразу понравился. Оказалось, что «мальчику» Роме шёл четвёртый десяток, хотя выглядел он гораздо моложе. Я ожидал встретить персонажа типа молодого Бандераса, мачо с зализанными волосами в шёлковой яркой рубашке в обlipку, а явился скромный кудрявый кареглазый мужчина, среднего роста, в светлой одежде свободного кроя. Тогда, в гараже, он, не успев с нами познакомиться, скинул пиджак, засучил рукава белоснежной рубахи, без вопросов схватился за трубы. Чего-чего, а работы он не боялся. В поле – быстро научился нехитрой буровой науке и мог спокойно выполнять обязанности бурмастера.

Мы жили в посёлке городского типа, снимали квартиру, спали с Ромой в одной комнате, он ночевал на диване, а я на полу. Выбор спального места проходил честно, бросили жребий, и мне достался матрас. Ромыч не отличался словоохотливостью, вечером мы перебрасывались парой фраз и быстро засыпали. Однажды в субботу по радио передали последние новости, говорили про авиакатастрофу над Средиземным морем вблизи Палермо. Самолёт летел из Бари в Тунис. Помню, как изменился в лице Ромыч, побледнел, отодвинул тарелку, извинился, ушёл на улицу, а ночью я услышал, как он говорил по мобильнику на чужом языке, знакомом каждому жителю нашей страны, смотревшему сериал «Спрут» про героического комиссара Каттани. Ромыч, обычно спокойный и размеренный, сейчас нервничал, торопливо бормотал в трубку, голос его дрожал. Затихал на несколько секунд, внимая далёкой собеседнице, а потом повторял словно заклинание одни и те же слова:

– *Ти амо, Лючия, ти амо кози танто, ти амо Лючия...*

Я заснул, убаюканный мелодичной итальянской речью, не дождавшись конца разговора. Утром Ромыч находился в своём обычном доброжелательном настроении. Трудился, будто ничего не произошло. Я сделал вид, что не слышал ночного разговора. Мы работали месяц без выходных и решили сделать перерыв на три дня, съездить на Ладогу порыбачить. По приезду поставили сети и этим же вечером поехали, сняли первый улов. Вытаскивая лодку, проткнули баллон. Калеви сказал, что заклеит пробоину, но зловония только начинались. Главное разочарование нас ждало, когда начали варить уху: мы забыли купить соль. В буханке у запасливого Валеры нашёлся коробок, поужинать хватило, но намечался насущный вопрос о сохранении будущего улова. Всё происходило по известному закону. Помню, Морозов, уходя спать в машину, сказал, что Валера завтра должен обязательно съездить в посёлок за солью. Ага, обязательно... И вот, я отправился к роднику, зная, что утром замучает сушняк, и вернулся с найденной водкой. Больше всех обрадовался Калеви, выразил свой восторг энергичной пантомимой, чтобы не разбудить начальника. Веселье продолжилось.

Рома размяк уже за ужином, замахнул, и понеслось... Похоже он находился на грани нервного срыва, и сейчас, под воздействием алкоголя, плотину прорвало. После третьей скинул одежду, забежал в воду и пропал в темноте. Сложно в полевой обстановке с малознакомыми людьми, не знаешь, что у них в голове? Калеви запричитал, налил себе ещё, а я бросился за Ромычем и догнал беглеца в сотне метров от берега. Это был сложный разговор в новолуние, я плыл рядом и подбирал слова. Борьба с пьяным человеком на глубине чревата утоплением для обоих, поэтому я включил красноречие, уповал на его совесть, ведь случись с ним что, будут проблемы у Морозова, но на начальника ему было наплевать.

– Ромка, подумай о маме, наконец!

Ромыч загребал, не обращая на меня внимания. Я дёрнул его за плечо, попросил сбавить обороты, показал на полярную звезду:

– Смотри, если мы будем держать этот огонёк справа, то возьмём курс на Приозерск и обязательно приплывём через четверо суток, а если отпустим звёздочку чуть позади за ухо, то выберемся к истоку Невы, а там по течению и до Питера недалеко. Причалим в районе Рыбацкого, до Пулково рукой подать, сядешь на самолёт к своей Люции.

Ромыч остановился, будто услышал секретное кодовое слово.

– Ну как тебе идея?

– Идея огонь! – Рома рассмеялся, тумблер в его голове переключился в нормальное положение, и мы повернули назад, к огоньку на берегу. В свете костра мелькала фигура взволнованного пьяненького бурмастера.

– Ну, Ромыч, *хуллу пойка!* Я чуть с ума не сошёл.

– Извини, Калеви, накатило.

Радостный Калеви плеснул нам по кружечке для сугрева. Мы выпили и легли на песок, не растерявший дневное тепло. Калеви упал рядом и захрапел, похоже, он хорошо приложился к бутылке, пока я уговаривал беглеца вернуться.

Ромыч всхлипнул, ткнулся кудрявой влажной макушкой мне в плечо, отдёрнул голову:

– Ой, прости.

– Да, ничего. Скажи, Ром, а кто такая Люция?

– Люция? ...Люция – это самая красивая девушка на свете. Нет, это слишком банально. Люция – любовь всей моей жизни. Блин, не так... – он замолчал на минуту и спросил вдруг:

– Интересно, что вам Морозов про меня рассказал?

– Сказал, что ты альфонс. Мне всё равно, я вижу, что ты хороший человек.

– Ну да, альфонс или жиголо, можно и так сказать, хотя я никогда ничего не прошу, женщины сами отдают, даже уговаривают, чтобы взял. Кстати, если бы я не был, как ты

говоришь, «альфонсом», не познакомился бы с Люцией. Тогда я жил с Мадлен на Крите. Мадлен – хорошая, она любила меня, правда пила много и рано засыпала. Я оставлял её в номере и спускался в лобби-бар. Там я увидел Люцию. В холле каждый вечер играл на рояле пожилой худенький грек в круглых очках, добрейший человек. Он сделал перерыв, вышел на улицу покурить, выпить кофе. Неприятный веснушчатый английский мальчик открыл крышку и забарабанил по клавишам. Родители сидели в баре и не обращали на своё чадо внимания, а замечаний в Европе чужим детям не принято делать. Встав с кресла, я поднял оболтуса за ухо, шлёпнул под зад и сорвал аплодисменты. Громче всех хлопала она – мой цветочек в жёлтом платье, Люция отдыхала в компании молодых парней и девочек.

Она из Апулии, учится в Милане на искусствоведа и знает всё про античность и итальянское Возрождение. В Тунисе у них планировалась практика, какие-то раскопки на финикийских развалинах, я чувствовал плохое, и не зря, она действительно хотела лететь рейсом из Бари...

Я подсел к ребятам, а уже в полночь мы купались голышом вдвоём. Целовал её в солёные от морской воды губы. Рассказал ей, что у нас соль звучит как нота *sol*. Люция у меня специалист-гуманитарий, оказывается, нота соль называется по первому слогу строчки древнего церковного гимна: *solve polluti*, «освободить от грязи».

«Полюция, – есть такое слово», – я внимательно слушал Рому и решил не вставлять ехидную ремарку. Мой собеседник только что пережил нервный срыв, да что там – он попытался убить себя. Поэтому я молча внимал, история его меня чрезвычайно заинтересовала.

– Боже, как я испугался, после новости об авиакатастрофе. – Господи, храни Люцию! – крикнул Рома звёздам, равнодушным свидетелям мирской суеты.

Калеви что-то буркнул по-фински и перевернулся на другой бок.

Ромыч закрыл глаза, наверное вспоминал, ушёл в странное состояние, то ли бодрствования, то ли сна. Он рассказывал мельчайшие подробности, потом замолкал, казалось, засыпал и бубнил под нос, а я обращался в слух, стараясь разобрать несвязный шёпот.

–...Мадлен, моя Мадлен, зачем ты сделала операцию, лицо – один большой синяк. Я поступил нечестно, прости меня Мадлен ты очень хорошая, правда, а я – подлец, но эта силиконовая грудь на ощупь как мёртвая медуза, лицо, твоё лицо, мордашка, затянутая в бумажный кулёк, скомканный и неудачно расправленный, неприятные новые губы, зачем ты раскроила лицо? Интересно, как ты выглядела в молодости. Сложно сказать... Ирония судьбы, Мадлен, помнишь, как ты говорила мне, показывая на Люцию у бассейна в тот день:

– Интересная девушка, как тебя она?

Я пожимал плечами: – Так себе, уши большие, смешная. Моя сладкая, на этом побережье самая эффектная женщина это ты, самые красивые колени Критского моря.

– Котик мой, ты прелесть.

– Но это правда, Мадлен. Ты знаешь, я всегда говорю правду. Если я встречу колени красивее чем у тебя, я обязательно тебе скажу.

Ты хохотала, гладила меня по щеке длинными сухими пальцами с ярким маникюром, рукой женщины, убегающей от старости.

– Но какая у неё жопа, а скажи? Дал Бог такую классную жопу и такую грудь. Такая молодая, а уже всё в ней большое: и жопа и грудь.

– И уши, – добавлял я, и мне хотелось удариться головой об стену от своих подлых слов.

Ты смеялась, допивала очередное мартини, а я внимательно наблюдал за компанией итальянских парней и девушек на противоположной стороне бассейна.

Люция – самая красивая. Смуглые юноши вились вокруг неё, а она украдкой бросала виноватый взгляд в мою сторону.

«Прости Ромуальдо, они сами, я люблю только тебя одного тебя», – говорили её глаза.

Да, я знал это, подглядывая через тёмные очки за молодыми апулийскими самцами. Грех гордыни поселился во мне в те дни. Меня окружали волшебные итальянские нимфы с длинными блестящими волосам, смуглые, горячие, тараторящие без умолка. Они такие болтушки, но какой же красивый язык, мама мия. И самая эффектная из них – моя.

Я любил Лючию ночью, прижав к скале и закрывая её рот, и она кусала до крови пальцы, даже не особо внимательная Мадлен спросила утром, откуда ссадины на руке?

Внутри всё сжалось сладко, я сказал, что нырял перед завтраком, когда она спала, и оцарапался о риф. Ах, эти смуглые ягодицы, выпадающие из маленьких шорт, мятый хлопок, пятно на попе с прилипшими крупными песком.... А уши действительно были большие, Лючия такая забавная с мокрыми волосами. ...Потом она уехала, и неделю я умирал, а Мадлен не могла понять почему, что случилось с её жизнерадостным Романом. Ходили по магазинам в Ираклионе, ты купила мне новые часы и гору шмоток. Намекнул про Италию, и вот мы уже в Риме, я радовался, как ребёнок. Ты думала, я люблю эти старые пыльные деревеньки, тосканские туманы и венецианский циановый тлен, нет, Мадлен, я был счастлив, что Лючия совсем рядом и я скоро увижу её, мы встречались с Люцией несколько раз в течение полугода, а потом я сбежал от тебя, дорогая Мадлен, какой же я мерзавец.

...То утро в Милане не забуду никогда, я увидел Лючию в уличном кафе, и она меня, устремилась в мою сторону, всё быстрее, быстрее и мы побежали навстречу, как дети, и схватил её и жадно целовал долго-долго, не обращая внимания на прохожих...

Возможно, Ромыч бормотал не осознавая, что поток сознания вырывается наружу, он вспоминал интимные подробности, как любил Лючию в поезде в последний раз, и я, затаив дыхание, слушал страстную исповедь, распаясь не шутку, мне было немного неловко, словно подглядывал в замочную скважину за любовниками. Ромыч замолчал на несколько секунд, тяжело вздохнул, открыл глаза, сел, обхватив руками колени и продолжил свой рассказ, теперь размеренно и чётко, как на собеседовании при приёме на работу:

– На завтраке в вагоне-ресторане неодобрительно косились пассажиры из соседних купе, старушки в чёрных платьях, пузатые мужчины в подтяжках и сеточках на волосах, похожие на персонажей Феллини. Мы не обращали на них внимания, обсуждали общее будущее. Я не сомневался, что мы поженимся, вместе встретим старость, осталось скопить немного денег. Лючия примерно догадывалась, как достанутся мне эти средства:

– Будешь выжимать своих тётушек досуха.

Я понял по голосу, что она действительно любила меня, раньше Лючия шутила по этому поводу, а сейчас говорила серьёзно.

– Я не изменял тебе, и не изменю.

– Кому ты говоришь, сколько женщин будет прыгать на твоём члене за время нашей разлуки. Ромуальдо, за кого ты меня принимаешь?

– Технически да, но в душе нет, верен до гроба моей Люции, я всегда представляю тебя, твоё лицо, волосы, грудь, твои самые красивые уши.

Я любил её большие уши, когда она выходила из ванной. В выражении лица было что-то пронзительное и беззащитное, несмотря на её фигуру, длинные ноги, тяжёлые бедра и грудь. Наверно, со временем её грудь упадёт, но сейчас она выглядела богиней, его богиней, его собственностью... Боже, каким я был эгоистом. Почему не решился тогда остаться, нашлись бы деньги на первое время, в конце концов я никогда не боялся работы... Какой работы? Кого я обманываю, умею только трахаться. Неуч без специальности. Кем я могу устроиться в Милане, разве что официантом или

консьержем, чернорабочим. Испугался, представил себе, как в грязной робе прихожу в маленькую тёмную квартирку в бедном миланском районе. Растолстевшая сердитая Лючия с сальными волосами, в халате варит на кухне пасту, орут дети. Нет, мне определённо нужны были деньги, и побольше.

Я сказал, что скоро приеду к ней, только нужно заработать. Мы договорились о следующей встрече...

Роман опустил голову в колени, всхлипывал, еле сдерживаясь, чтобы не зарыдать, остывший песок, крупица за крупицей передал мне его дрожь.

– Всё будет хорошо у вас, – попытался успокоить я его.

– Самое ценное это любовь. Мы переступаем её, боимся сложностей, бытовых проблем, а потом... потом становится поздно, – Ромыч поднялся, шагнул в воду, сполоснул лицо и пошатываясь пошёл к палатке.

Мы вспомнили про соль за третьей кружкой «карабаса». Не было и речи, чтобы Валера сел за руль. Рыбалка обернулась стихийным застольем на целый день. Калеви в лицах рассказывал, как сердитый Морозов вернулся с родника, увидел пустую склянку на берегу, и как побежал за ружьём. Все хохотали, и даже Ромыч улыбался. Лодку так и не заклеили, накачали вечером и на полуспущенных баллонах сняли сети, рыбу набили в мешок пополам с крапивой, проверенное средство для сохранения продукта, но всё равно, вернувшись в посёлок, обнаружили, что треть улова стухло.

Ромыч отработал с нами август и сентябрь, получил расчёт и пропал с радаров. Калеви говорил мне позже, что встретил его на рынке в мясном отделе, Рома разделявал свиную тушу, сделал вид, что не признал бурмастера. Я думаю, финн увидел другого человека, годы берут своё, зрение ухудшается, и не мудрено обознаться.